«Миссия в миру». Интервью архиепископа Волоколамского Илариона журналу «Эксперт» (№23 (661) от 15 июня 2009 года)

– Владыка, уже прошло сто дней после интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Что поменялось за это время в отношениях Церкви и общества? Проявились ли какие-нибудь новые тенденции?

– На Московский Патриарший престол взошел человек, который на протяжении многих лет был известен как миссионер, просветитель. Он уже давно активно сотрудничал со всеми сферами гражданского общества, вел собственную передачу на телевидении, регулярно выступал в печатных средствах массовой информации. Еще до избрания на Патриарший престол его знали и любили миллионы верующих Русской Православной Церкви по всему миру. Он снискал авторитет в широких общественных кругах. Уникальный опыт, который накопил митрополит Кирилл за годы своей работы в Отделе внешних церковных связей и тесного сотрудничества с покойным Патриархом Алексием II, полностью подготовил его к той новой роли, которую он воспринял после избрания на Московский Патриарший престол. Но самое главное, это человек, который абсолютно предан Церкви, для него не существует личной повестки дня. Он все свои способности и таланты положил к ногам Христа, по выражению святителя Григория Богослова.

Интронизация Патриарха Кирилла дала новый импульс всему комплексу взаимоотношений между Церковью и внешним миром. Патриарх Кирилл очень жестко и четко ставит задачи перед своими ближайшими помощниками, перед архиереями, перед духовенством и перед всей Церковью. В то же время он церковный лидер не только в силу своего положения, но и в силу своей личности. Он способен вдохновлять людей, мобилизовать на более активную миссионерскую и просветительскую деятельность.

– В чем, на Ваш взгляд, заключается суть перемен, привнесенных Патриархом?

– Наша проблема заключается в том, что нам по-прежнему не хватает мостов, связывающих православные приходы с внешним миром.

Ведь что происходит с человеком, который, движимый любопытством, внутренней неудовлетворенностью или поиском истины, впервые заходит в православный храм? В лучшем случае его никто там не тронет. Ему дадут возможность постоять на службе, посмотреть по

сторонам… Вряд ли он сразу поймет суть происходящего. Однако, соприкоснувшись с Божией благодатью и с атмосферой храма, может быть, он что-то почувствует. И придет еще раз. Потом еще раз. Потом начнет искать книги. И так постепенно – путем самообразования – будет входить в жизнь Церкви. Этот путь очень долгий и непростой. Человеку предстоит самостоятельно преодолеть множество барьеров, отделяющих его от церковного мира. Барьеров психологических, культурологических, языковых.

В худшем случае пришедший с улицы человек, войдя в церковь, столкнется с обычным хамством. Его обругает бабушка, стоящая за свечным ящиком. Обличит в том, что он не так перекрестился, не там встал, не так одет… И зайдя в церковь два-три раза, человек теряет всякую охоту возвращаться.

Нам нужно сломать этот механизм отторжения человека от Церкви или равнодушного ожидания, что он придет и сам преодолеет все барьеры. Мы должны создать такую систему, которая помогала бы людям малоцерковным постепенно входить в церковную жизнь. И сил одних священников для этого недостаточно. Нужны активные миряне. Наша задача заключается в том, чтобы мобилизовать мирян на активную миссионерскую, просветительскую деятельность. Я не имею в виду, что такая деятельность не ведется вообще. Она, конечно же, существует. Есть множество людей, которые в этой сфере работают, помогают священникам, приводят людей к Богу. Но масштаб требуется совершенно иной.

– Не возникает ли сейчас разрыв между риторикой Патриарха и реальной деятельностью приходских священников?

– Очень многое зависит от личности священника и правящего архиерея. Если миссионерский настрой, исходящий от Патриарха, не воспринимается должным образом, если миряне и священнослужители исходят из тезиса о том, что мы «свидетельствуем об истине Православия самим фактом своего существования», то, думаю, задача привлечения новых людей в Церковь будет невыполнима. Этот тезис обычно выдвигается в противовес протестантским и сектантским проповедникам. Действительно, мы не ходим по квартирам и не зазываем людей в храмы – то есть не пользуемся агрессивными и навязчивыми методами миссии. Но это не значит, что мы должны просто сидеть и ждать сложа руки, пока люди сами придут к нам. Если бы апостолы после Воскресения Христова засели в Сионской горнице и считали, что они «свидетельствуют о Христе самим фактом своего существования», боюсь, христианство умерло бы в первом поколении. Но ученики Спасителя пошли в мир, и это предопределило всемирную победу христианства над миром.

– Недавние встречи Патриарха с молодежью – попытка показать новые пути развития

взаимоотношений Церкви и общества?

– Патриарх подает пример всей Церкви. Но одного человека недостаточно для того, чтобы провести поистине титаническую работу, необходимую для подлинного воцерковления общества. Очень важно, чтобы миссионерский императив был прочувствован и воспринят на других уровнях – на уровне архиереев, духовенства, мирян, монашествующих. Призыв Патриарха к активной жизненной позиции, к активной проповеди Христа и христианских нравственных ценностей должен вдохновить всех членов Церкви.

– Сегодня существует множество молодежных движений, которые шествуют по улицам с плакатами и призывают, скажем, «дать отпор» гомосексуалистам. Участники таких акций позиционируют себя как православные. Это ли те «активные миряне», которые нужны Церкви?

– Нет. Активный не значит агрессивный. Активный – это тот, для кого вера во Христа стоит на первом месте и кто всю свою жизнь выстраивает на основе христианских ценностей. Активный мирянин вдохновляется религиозным идеалом не только в стенах храма, но и в обычной жизни и старается выстраивать ее в соответствии с евангельским законом. И он необязательно должен быть миссионером в чисто техническом смысле: куда-то ходить, что-то проповедовать. Он должен прежде всего свидетельствовать о Христе своим образом жизни, своими поступками, своими добрыми делами. «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославляют Отца вашего, иже есть на небесех» (Мф. 5. 16) – эти слова Христа обращены ко всем христианам, которые призваны стать солью земли и светом мира (см. Мф. 5. 13-14).

А вот агрессивная позиция для Церкви совершенно неуместна. Мы должны бороться с грехом во всех его проявлениях, но прежде всего в себе самих и лишь во вторую очередь – в окружающих нас людях. Бороться с грехом в других, конечно же, гораздо легче, чем в самих себе. Нашим ближним и вообще окружающим нас людям мы должны и можем помогать, но в первую очередь собственным примером, своим образом жизни.

Церковь очень четко говорит о том, что грех является грехом. Церковь против того, чтобы грех воспринимался как норма. Но мы не должны быть враждебно настроены по отношению к людям, ведущим греховный образ жизни. Потому что грех с христианской точки зрения – это болезнь. И относиться к таким людям нужно как к больным, то есть проявлять к ним сострадание и терпимость. Бороться с грехом, но сострадать грешнику. Сострадание заключается не в том, чтобы говорить больному, что он здоров и не нуждается в лечении, и не в том, чтобы не прописывать ему лекарства. Наоборот, сострадание как раз заключается в том, чтобы назвать болезнь своим именем, поставить правильный диагноз и предложить медицинскую помощь. И в

этом миссия Церкви. Иоанн Златоуст говорил о Церкви как о духовной больнице. В Церковь приходят за исцелением. Наша задача – врачевать духовные недуги человека и общества. И делать это надо отнюдь не агрессивным способом.

– Как Вы планируете развивать систему церковного образования? Ведь, с одной стороны, именно оно позволяет готовить священников, способных вести более активную работу с миром, а с другой – светское и духовное образование мало соприкасаются на профессиональном уровне...

– В Церкви шла настоящая полемика о том, нужно ли аккредитовать Духовные школы – то есть сделать так, чтобы их дипломы признавались государством. Противники аккредитации выдвигали следующий аргумент: если наши дипломы будут признаваться государством, тогда наши семинаристы не пойдут в священники, а будут получать образование и уходить в мир. Я бы на это дал такой ответ: если человек не хочет идти в священники, он и так не пойдет – вне зависимости от того, признается его диплом или нет. А вот если человек получил духовное образование, скажем, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном институте и стал не священником, а активным мирянином, например министром или деятелем культуры, что в этом плохого? Церковь должна просвещать весь мир. И задача духовного образования – воспитывать, формировать тех людей, которые стали бы солью земли. На приходах. На административных служениях. Это люди, которые должны присутствовать в самых различных сферах общественной жизни. Иметь самые разные профессии. Быть миссионерами по примеру апостолов.

Из-за упомянутой полемики принятие решения об аккредитации Духовных школ было, по сути, на несколько лет отодвинуто. Только сейчас, с приходом нового Патриарха, эта работа начинается в полном объеме и, надеюсь, будет успешно завершена.

Я убежден, что мы должны раздвинуть рамки церковного образования и не бояться того, что люди, которых мы воспитываем, не станут священниками, не будут стоять у престола, а будут, например, светскими специалистами с хорошим духовным образованием, будут служить Церкви по-своему на своем поле. Эти люди станут нашими, если хотите, «агентами влияния» в миру, и они помогут нести христианские нравственные ценности в те слои общества, которые, может быть, не затронуты напрямую проповедью и миссией священнослужителей.

– Как Вы оцениваете взаимоотношения между Церковью и государством в предреволюционные годы? Сегодня о тех временах принято ностальгировать, рассматривая их как некий идеал...

– Если бы все было хорошо в дореволюционной Церкви, не было бы массового отхода от нее в

революционный и постреволюционный период. Может быть, не было бы и самой революции. Мне кажется, что причины духовного кризиса, приведшего к революции, очень хорошо вскрывает в своих мемуарах протопресвитер Георгий Шавельский. Он был главой военного духовенства, был близок к царской семье, лично общался с государем. И он прекрасно знал Церковь на всех ее уровнях. Его мемуары представляют собой, по сути, подборку фактов. Он показывает очень большую степень духовного разложения, которая существовала и в Церкви, и в российском государстве. Он показывает ту огромную дистанцию, которая разделяла царский дом и народ, несмотря на горячую любовь членов царской семьи к народу и желание сродниться с ним, понять его. Он показывает ту пропасть, которая существовала между Церковью и ее высшим руководством с одной стороны и реальным миром – с другой. Разумеется, в дореволюционном положении Церкви в государстве было и много положительного. Но пытаться воссоздать дореволюционную ситуацию сейчас ни в коем случае не следует. Мы должны создавать новую модель церковно-государственных отношений, которая исключала бы те негативные явления в церковной и общественной жизни, которые привели к революции.

– Сегодня либеральная часть общества говорит, что государство становится церковным и склоняется к Православию почти как к государственной религии. А не дает ли о себе знать другая тенденция, когда Православная Церковь прислоняется к государству? Не видите ли Вы здесь опасности с точки зрения способности Церкви к самостоятельному существованию и к независимой политике?

– На мой взгляд, сейчас никто ни к кому не прислоняется. Ни Церковь к государству, ни государство к Церкви. Есть отделение Церкви от государства, которое прослеживается и на юридическом, и на политическом уровне. Государство не вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви. А Церковь не участвует в политической борьбе, не оказывает поддержку той или иной партии. Церковь открыта к общению со всеми. Любой политический деятель – государственник или оппозиционер – может быть членом Церкви.

Не думаю, что государство рискует стать клерикальным, а Церковь — государственной. Но надо в то же время учитывать и то, что популярный термин «многоконфессиональное государство», который часто применяется к России, не указывает на ту очевидную реальность, что большинство россиян принадлежат к Русской Православной Церкви, даже если они не ходят в храм регулярно. Около восьмидесяти процентов граждан России идентифицирует себя с Православной церковью. А значит, Русская Церковь – это религия большинства. Притом что у нас есть миллионы людей, принадлежащих к другим конфессиям или не исповедующих никакой веры. Мы должны всех уважать, со всеми дружить. Должны создавать единое культурное пространство. Но нельзя забывать, что именно Православная Церковь на протяжении веков оказывала решающее влияние на формирование духовного облика России и русского народа.

– Но ведь нельзя отрицать, что у Церкви с государством есть некие прочные связи.

– У Церкви и государства есть очень много общих задач, связанных в первую очередь с духовным и материальным благосостоянием наших граждан. Есть задачи, которые нельзя решать в одиночку. Например, демографическая проблема. Ее невозможно решить только путем материальных пособий или социальной рекламой на телевидении. Здесь требуются совместные усилия государства и Церкви. Причем когда я говорю о Церкви, я говорю и о сотрудничестве Церкви с традиционными религиозными конфессиями. В этом отношении у представителей традиционных религиозных конфессий взгляды, как правило, очень близкие, а порой идентичные.

– Недавнее выступление Патриарха Кирилла, посвященное победе в Великой Отечественной войне, вызвало довольно острую критику – в том числе людей, приближенных к околовластным кругам. Патриарха критиковали за то, что он оценивает победу как чудо, а тяготы войны – как расплату за богоотступничество. Патриарха критикуют также за то, что он недостаточно оценил роль Сталина и большевиков. В какой степени Вы готовы противостоять подобной критике?

– Я готов ей противостоять и, более того, готов вызвать волну критики в свой адрес, высказав свое собственное мнение о Сталине. Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти. И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне.

Победа в Великой Отечественной войне была действительно чудом, потому что Сталин перед войной сделал все, чтобы разгромить страну. Он уничтожил все высшее руководство армии, в результате массовых репрессий поставил некогда могучую страну на грань выживания. В 1937 году, когда была перепись населения, страна недосчиталась десятка миллионов людей. Куда делись эти миллионы? Их уничтожил Сталин. В войну страна вступила почти обескровленной. Но, несмотря на все чудовищные репрессии, народ проявил небывалый героизм. Иначе как чудом это назвать нельзя. Победа в войне – это победа народа. Народа, который проявил величайшую волю к сопротивлению. Чудо победы в войне – это великое явление силы духа нашего народа, которую не сумели сломить ни Сталин, ни Гитлер.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/58957/